УДК 111

МЕТАФИЗИКА В ОБЩЕСТВОЗНАНИИ: ОБЩЕЕ КАК СПЛОШНОЕ И ПРЕРЫВНОЕ

Щербинин Михаил Николаевич,
Тюменский государственный университет,
заведующий кафедрой философии,
доктор философских наук, профессор,
г. Тюмень, Россия.
E-mail: kafedrafilosofii@mail.ru

Аннотация
В данной статье рассмотрены некоторые социокультурные явления с позиций метафизики. Предложено обратиться к опыту сплошного и прерывного в интеллектогенезе (в истории интеллекта). На примерах феноменов власти, информации, обобщения и т.д. показаны возможности приобщения этого опыта к современному рационализму в понимании человека и общества. Результатом выступает обогащение современного мироощущения и наполнение рефлексии дополнительным смыслом.

Ключевые понятия:
сплошность,
прерывность,
поток,
сила,
фигуративность.

Практика общения и интеллектуального обобщения в Античную эпоху обязательно преломлялась через призму соотношения сплошного и прерывного. Долго накапливающееся и созревающее их противопоставление «выплеснулось» сначала в ощущении парадоксальности *одновременного* бытия, когнитивного присутствия мысли и чувства, сознания и подсознания. Потребность в размежевании этих способностей человеческой психики опиралась на их предметную базу, например, в архитектурно-строительной деятельности, в экономике, в государственных институтах власти, в военном деле и т.д.

Впрочем, становление общего в варианте «прерывное – сплошное» имеет почти столь же древнее происхождение, как и ряд ступеней в растущей рациональности античного мышления. При этом социально и интеллектуально организованное в древнегреческой культуре общения новое обобщение «прерывного через сплошное» (здесь следует вспомнить, например, апории Зенона) зафиксировало сложившуюся к этому времени пропорцию в соотношении опять-таки чувственно-наглядного и умозрительного компонентов в познании, так же как и в соотношении индивидуального (атомарного) и социального.

Вообще же, чувственно-наглядные характеристики древнего мышления позволяли просто-напросто *видеть* то, что позднее потребует обязательного и убедительного для всех других людей умственного пересчета всех отдельных единиц сплошного. Хорошо известный пример из истории человеческого мышления, когда обыкновенный пастух в стародавние времена легко, на взгляд определял полноту или, наоборот, неполноту своего овечьего стада без всякого использования математики. Сомнительно, что тот же пастух мог определить на глаз полноту чужого стада, никак ему не доверенного. Пастух неопровержимо для самого себя видел целостность своего стада животных в его *сплошности*. Наоборот, большая физическая разбросанность тех же животных по местности не позволяла *увидеть* их *вместе*.

По всей видимости, образ именно стадности *движущегося и живого сплошного* экстраполировался на общество. Возглавляющие это *сплошное движение* вожак и вождь, конечно же, не одно и то же, но связь хорошо просматривается. И дело здесь не только в аналогии. *Сплошность* движения является *потоком*. Лавина с гор, лавина несущегося войска выступала нава-

ливающейся силой. Несущаяся неустрашимая конница объединяла в своем движении и всадников, воинов, и собственно животных в единую сплошную массу, в силу, в тот момент неисчислимую, но особенно хорошо измеримою взглядом. *Тьма* в татаро-монгольском войске – это не просто много, это уже и ощущение несущейся силы. Возникал эффект *массовидности лавинообразной* силы, очень характерный для чувственно-наглядного мышления в целом. Сила, исчисляемая массой, и масса, исчисляемая силой, специфицировали мышление того времени. Чтобы победить, надо было разделить, разобщить противную сторону. «Разделяй и властвуй» – подсказывает мудрость. Насилие и принуждение, царившие в эпоху рабовладения, способствовали закреплению такого мироощущения стадности и слитности общественного бытия. И тут уже понадобился Пастырь для самих людей. Дело стало за новым самосознанием человеческой массы и собственно элиты. Впрочем, Средневековье для этого предоставило и место, и дополнительных тысячу лет. Но это всё было потом, когда лавинообразная сила чумы, например, подавляла промежутки социального пространства столь же легко и непринужденно.

Еще позднее лавинообразность коричневой чумы XX века, хорошо описанная в «Носороге» Э. Ионеско [3] *сплошным* облаком накрыла добрую половину Европы и островную часть Азии, буквально сблизив до единомыслия целый ряд разных рас, народов и социальных групп. Впрочем, *сплошное скопище* толпы оживотворяло власть силы сквозь века и тысячелетия, не важно где – хоть в Древнем Риме, хоть в современных Москве, Каире, Киеве, Гонконге или Брюсселе. Современные мегаполисы обеспечивают вышеназванную сплошность самым естественным образом, например, способом сплошной застройки, превращающей города в каменные джунгли. А если вспомнить еще о лавинообразных потоках информации или дезинформации, о мощных информационных потоках лжи и грязи, выплескиваемых на головы столь массовидного человечества, то получается, что *промежутки* самостоятельного обдумывания той или иной проблемной ситуации напрочь отсутствуют. Редкое исключение – день *тишины* перед выборами – только подчеркивает остроту вопроса. И как-то сложнее получается с потоками не лжи, а правды. Представить себе правду в виде сплошного потока крайне затруднительно. Не случайно существует «обет молчания», крайне тягостный для больших любителей поговорить, да и, наверное, самый великий писатель России, Л.Н.Толстой, ближе к концу своей жизни литературному слову предпочел как раз молчание.

Зато очень хорошо заметна *сплошная болтовня*, *сплошность* мало продуманной речи, *сплошность* собственности, владения, имения, если таковые имеются, *сплошность* видимых или невидимых денег, когда, как в давно известной в России песне «Всюду деньги, деньги, деньги...». Прошло четыре столетия с тех пор, когда Томас Гоббс в начале республиканской буржуазной истории с известным оптимизмом назвал именно деньги «кровью государства» [2, с. 195]. В этом отношении Республика, как «искусственный человек, сохраняет свое сходство с естественным, чьи вены, получая кровь от различных частей тела, направляют ее к сердцу, которое, переработав ее, направляет ее обратно, сообщая этим жизнь и способность к движению всем членам человеческого тела» [2, с. 196]. И вновь, следовательно, отмечается сила движения денежной массы, придающей ускорение многим человеческим страстям и поступкам. В наше время среди этих страстей и поступков обнаружилось уж слишком много пагубных, а денежные потоки всё многочисленней и сильней давят на сознание, веру и совесть. В новых условиях оптимизм выглядит как-то очень подозрительно.

Уже опять-таки в XX веке Гийом Аполлинер вполне сюрреалистически тоже скажет про движущееся скопище машин на таких, как нам всегда казалось привычно и счастливо демократичных парижских улицах, в своей «Зоне»:

«Ты в Париже. Совсем одинок,
ты в *толпе* и бредешь сам не зная куда.
Тут же, рядом с тобою, мычащих
автобусов мчатся стада.
Горло сжала тоска тебе обручем острым своим.
Словно ты никогда уже больше не будешь
любим».
И далее, из той же самой «Зоны»:
«Тебе в обрюзгшем мире стало душно.
Пастушка Эйфелева башня, о послушай:
стада мостов мычат послушно.
Тебе постыл и Древний Рим и Древняя Эллада,
Здесь и автомобиль старей, чем Илиада,
И лишь религия не устарела до сих пор –
Прямолинейна, как аэропорт...

Теперь в Париже ты бредешь в толпе
один сам-друг,
Стада автобусов мычат и мчат вокруг,
Тоска тебя кольцом сжимает ледяным» [1, с. 26].

Здесь уже, действительно, всё рядом – пастушка, толпа и стадо, человек и машины, физическая спаянность людей в «сплошняке» *и тесной давке городских автобусов. Отличие от предыдущего* примера с конницей здесь в том, что воспитанная последующими тысячелетиями человеческая индивидуальность спряталась, свернулась, сжалась в обезличенном теле, в утробе машины, движение которой детально отрегулировано многочисленными правилами движения. У массовидной тысячеглавой хеттской или монгольской конницы был, по крайней мере, вольный ветер пространственной свободы движения. Правда, в отличие от Аполлинера, наш отечественный поэт Булат Окуджава находил своеобразную прелесть именно в тесноте «полночных троллейбусов», где «в тесноте, да не в обиде» как раз теснота сближает, снимает накопленное в дневном формализме производственного общения отчуждение человека от человека, спасая всех, «потерпевших в ночи крушенье» [5, с. 5]. Может быть, это, конечно, чисто российское, отечественное изобретение. Во всяком случае, именно в парижском метро я лично ничего подобного не ощутил…

В Античности же, с которой мы начали, по меньшей мере в Европе, предполагались, очевидно, как материалистические, так и идеалистические теоретические версии проблемы *сплошности* и прерывности бытия. К философии оказались подключены собственно математические конструкции числового, геометрического, алгебраического и тригонометрического свойства. А историческая социокультурная нагруженность этих математических построений, их изначальный производственный капитал тоже хорошо известен. Фигуративный характер построения рациональности хорошо и популярно представлен у Зенона Ахиллесом, черепахой, стрелой и т.д. Атомизм Демокрита дополнялся континуализмом Аристотеля.

В социальном содержании напрашивающейся идеализации (и рационализации) сплошного или *«сплошности»* как непрерывного легко просматриваются растущие объёмы и формы неотчуждаемой собственности и права на неё, количества и качества власти, суверенитета и полномочий. Сразу вспоминается русский обиходный речевой оборот – *сплошь и рядом.* Любопытно, кстати, и само такое словосочетание. Наоборот, в социальном содержании идеализации и рационализации прерывного можно различить экономическую и юридическую *разобщенность*, дробность, детализацию самого производственного цикла, военных действий и, возможно, детализацию речи. На детализацию общения наталкивала, как правило, всё-таки практика. К проблеме «прерывности-непрерывности» природных, космологических пространства, времени и движения оказывались подведены, таким образом, вопросы о прерывности – непрерывности именно социального пространства, времени и движения. Определенным поворотом интереса к этому вопросу уже в XVII веке можно считать реакцию рационалиста Готфрида Лейбница, большого математика и физика, никак не чуждого тем не менее изучению истории, логики, права, языка и т.д. Такой энциклопедизм позволил ему обнаружить принцип непрерывности и принцип дискретности. Согласно первому принципу, были сделаны выводы о том, что существенным в действительности может оказаться несущественное, что «любая вещь в данный момент «согласована» со своим прошлым и будущим» [4, с. 199]. Согласно принципу дискретности, подчёркивается «факт всеобщей расчленённости как самой действительности, так и её познания» [4, с. 201]. Получается так, как потом окажется очень важным даже для гуманитарного познания, что как раз принцип дискретности усилит «действие принципа всеобщих различий, указывая на качественную неповторимость явлений» [4, с. 202]. Применительно к монадам, это, что называется, дорогого стоит.

В следующий раз освоение общего как обобщения через сплошное (непрерывное) проявит себя уже в XX веке. Возможно, это произошло в теории дисконтинуитета М. Фуко, оспаривающего право на истину у представлений о временном континууме (Э. Гуссерль).

Наверняка, следовательно, изменилась и социальная детерминация новых обобщений того или другого типов. И здесь уже трудно однозначно отличать социальные корни идеалистической или материалистической философии. В античной культуре такая детерминация обнаруживала себя самым непосредственным, «очевидным» для современного взгляда образом, так сказать, напрямую.

Впрочем, наивная диалектика древнегреческих философов позволяла медленно, но верно взрослеющей рациональности проходить, просматривать весь диапазон, весь спектр возможностей чувственно-наглядного мышления, всей общественной

жизни, не позволяя отвлечься от собственно человеческого, от человека. Тем самым утверждалась именно человеческая мера интеллектуальной проективности, сам человек, наконец, оставался подлинной *мерой* всего.

Сплошное как мало различаемое в сознании античного человечества оказывалось телесно, эмоционально, двигательно и чувственно *неразорванным, неразобщённым, наполненным,* как ещё полностью неотчужденное от человека социальное пространство и время. Здесь присутствует непосредственное ощущение власти как именно *силы,* или как *сила власти,* более современное прочтение которой звучит уже как «сильная власть» или, наоборот, «слабая власть». И вместе с тем именно философская рационализация складывающегося соотношения сплошного и прерывного успешно разрушала позиции античного синкретизма. Совсем другое дело, например, «сплошность» власти в наше время. Фигуративное оформление диалектики сплошного и прерывного как оформление власти в виде вертикали или горизонтали дополнительно специфицирует феномен власти в государственном и национальном масштабе. Оказывается, что и *сплошность* власти должны быть именно прерывной иначе не над кем властвовать. В этом пункте еще раз расходятся собственно *власть и управление (самоуправление, само-управление).*

1. Аполлинер, Г. Стихи / Пер. М. П. Кудинова. Статья и прим. Н. И. Балашова. М.: Наука, 1967. 335 с.

2. Гоббс, Т. Сочинения в 2 т. Т 2. М.: Мысль, 1991. 731 с.

3. Ионеско , Э. Носорог / Перевод Л.Завьяловой. М.: Текст, 1991. 271 с.

4. История диалектики XIV–XVIII вв. / Ойзерман Т.И. и др. М.: Мысль, 1974. 356 с.

5. Окуджава, Б. Стихотворения. М.: Советский писатель, 1985. 265 с.

References

1. Apollinaire, G. *Stikhi* [Lyrics]. Moscow, 1967, 335 p.

2. Hobbes, T. *Sochineniya v 2 t. T. 2* [Collected works in 2 v. V 2]. Moscow, 1991, 731 p. .

3. Ionesco, E. *Nosorog* [Rhinoceros]. Moscow, 1991, 271 p.

4. Ojzerman, T.I. *Istoriya dialektiki XIV-XVIII vv.* [History of dialectics of the XIV-XVIII centuries]. Moscow, 1974, 356 p.

5. Okudzhava, B. *Stikhotvoreniya* [Lyrics]. Moscow, 1985, 265 p.

UDC 111

METAPHYSICS IN A SOCIAL SCIENCE: A GENERAL AS CONTINUOUS AND DISCRETE

Shcherbinin Mikhail Nikolayevich,
Tyumen State University,
The Head
of the Philosophy Department Chair,
Doctor of Philosophy, Professor,
Tyumen, Russia.
E-mail: kafedrafilosofii@mail.ru.

Annotation
In the present article some socio-cultural phenomena are considered from positions of metaphysician. The author suggests to appealing the experience of continuous and discrete in genesis of intellect (in history of intellect). Possibilities of attaching this experience to modern rationalism in understanding of man and society are shown on the examples of phenomena of power, information, generalizations etc. As the result we can see an enriching of the modern worldview and filling the reflection by additional sense.

Key concepts:
continuous,
discreteness,
stream,
force,
figurativeness.